

Какое совпадение: еще до восхождения на престол Чжао Цзи свел знакомство с парнем по прозвищу Сяо Ци, который промышлял в Банде нищих. Попросить его о помощи — мысль здравая, должно сработать. Ну а если сам малец для такого дела мелковат, придется выйти на его наставника. Сяо Ци в свои юные годы умен и силен невероятно, так что учитель у него должен быть фигурой поистине легендарной. Главное — захотеть, а уж лазейку в этот скрытый мир император всегда отыщет.

С Южным Императором дело обстоит еще проще. Нынче каждый правитель государства Дали, восходя на трон, обязан заискивать перед Сунской империей ради признания и почетного титула. Стоит лишь вдуматься в суть этих отношений — и все станет предельно ясно. Посмеет ли при таком раскладе Дуань Чжисин отказать сунскому государю в пустяковой услуге? Ни за что на свете, ведь потеря лица для него подобна смерти.

Банду Денежного Листа, судя по всему, использовали вслепую, так что их Чжао Цзи мог и пощадить. Но вот кукловоды с горы Белого Верблюда обязаны сдохнуть. Если не отсечь этой твари руку, гложущую душу ярость не унять.

С самого момента своего перемещения он ни на миг не мог по-настоящему расслабиться.

Приходилось беспрестанно лавировать между придворными кликами, умирять влиятельные кланы, дробить и урезать полномочия чиновников, лишь бы не дать кому-то одному подмять под себя трон. А империю тем временем лихорадило без умолку: сегодня — потоп, завтра — неурожай, послезавтра — нашествие саранчи или нашествие крыс.

От бесконечного вороха путаных донесений голова раскалывалась, а тут еще эти выскочки с горы Белого Верблюда сами напросились, сунувшись прямо под удар. Спустить им такое с рук — значит плюнуть на все свои бессонные ночи, проведенные за бесконечной работой!

Но самое скверное — они посмели лишить жизни Цуй Миня! Это был его человек, его незаменимый Цуй Минь!

При одной мысли об этом сердце Чжао Цзи обливалось кровью.

С самого начала расследования этого дела император судил предвзято. Окажись виновником Хэ Цивэй, Чжао Цзи без малейших колебаний заставил бы мерзавца заплатить жизнью за жизнь Цуй Миня. И плевать, какие потрясения это вызвало бы в верхах — он готов был пойти на любой риск.

И делал он это не только ради вдовы Цуй-Дун или справедливости для погибшего, но и для того, чтобы унять собственную глухую ярость.

Обычно новоиспеченным монархам не приходится тащить на себе весь этот неподъемный груз в полном одиночестве, надрываясь от усталости и буквально теряя волосы от стресса.

При сунском дворе множество чиновничьих званий традиционно содержали упоминание «наследника». Это делалось ради того, чтобы будущий владыка еще в бытность простым принцем мог взрастить собственную опору. Чжао Цзи же наследовал престол, будучи удельным князем, и чиновничий аппарат послушно выделил квоты, позволяя ему распределить титулы и продвинуть своих людей.

Но разве у Чжао Цзи хоть что-то могло идти как у нормальных людей? Разумеется, нет!

Среди тех, кого он мог назвать своими старыми приближенными, числились сплошь одиозные личности, будущие предатели и казнокрады, способные пустить страну по миру. О каком продвижении могла идти речь? Чжао Цзи в повседневной жизни даже вслух боялся произносить имена вроде Гао Цю или Ван Шэня — не дай бог какой-нибудь ретивый подхалим, желая выслужиться, пропихнет этих мерзавцев в верха. Соберись они все вместе у кормила власти, они же по кирпичику растащат его собственную империю!

Править этой страной оказалось невероятно паршивой долей.

Вместо того чтобы плодить вокруг себя стадо бестолковых союзников, способных лишь вставлять палки в колеса, проще было тянуть лямку в одиночку и постепенно возвращать преданных и способных людей.

За два месяца, прошедших с коронации, единственным человеком, которого действительно можно было назвать опорой престола, оставался широко известный Ли Сюньхуань. Да только этот господин был птицей слишком вольной и гордой, с ним приходилось нянчиться и потакать его капризам. Кто знает, в какой момент ему наскучат дворцовые интриги и он решит сорваться в очередное странствие под девизом:

"Мир велик, пора его повидать"

Стоит Ли Сюньхуаню уйти, как Чжао Цзи снова превратится в генерала без армии.

И на таком безрадостном фоне ему улыбнулась редкая удача — он встретил Цуй Миня! Человек из низов, не причастный ни к одной клике, кристально честный, не имеющий за спиной влиятельных покровителей из числа великих семейств. Идеальный самородок!

Он едва успел приметить этот талантливый росток, намереваясь со временем закалить его в делах, как его тут же безжалостно растоптали.

Это была кровная обида, не иначе. Если он не сотрет в порошок этих тварей с горы Белого Верблюда, то пусть его больше не зовут Чжао!

Между тем затянувшийся рассказ Ли Сюньхуаня о законах цзянху наконец подошел к концу.

Вопреки ожиданиям, даже узнав о грозной силе, таящейся в тени империи, сановники во главе с Хань Чжунянем и Чжао Цянем не изменили своего мнения: они по-прежнему требовали жесткого противостояния с миром боевых искусств.

То ли привычка смотреть на всех с высоты престола мешала вельможам допустить даже мысль о союзе с цзянху, то ли потомственная знать презирала безродный сброд, лишенный чинов и состояний. Так или иначе, Хань Чжунянь и не думал отказываться от намерения полностью искоренить вольные школы и союзы.

Впрочем, получив столь наглядный урок, Хань Чжунянь умерил свой пыл и теперь высказывался куда осторожнее:

— Ваше Величество, при всем почтении, у вашего покорного слуги все же остаются некоторые сомнения.

Чжао Цзи уже надеялся, что на этом дело решено, но упрямство Хань Чжуняня рушило все планы. В душе императора зароились недоуменные вопросы.

"Опять сомнения? Да когда ж тебе понравится хоть что-то?"

Слова «покорный слуга сомневается» за два месяца на престоле он слышал чаще всего. Чжао Цзи прекрасно осознавал границы своей власти и понимал, что у него пока нет возможности просто закатить глаза и рывкнуть: «Не нравится — катитесь к черту!».

Суровая реальность вынудила его нацепить фальшивую улыбку добродетельного государя, всегда готового выслушать советников:

— Прошу вас, высказывайтесь без стеснения.

Хань Чжунянь искусством читать по лицам не владел, а потому без лишних колебаний продолжил:

— Хоть Ваше Величество и повелели держать в тайне все, что стряслось сегодня в Зале Гражданской Добродетели, людские рты не заткнуть — слухи все равно просочатся, как вода сквозь плотину. Мой совет: скрыть самые пугающие детали, но в общих чертах донести суть до чиновников. А послезавтра на великом утреннем приеме вынести этот вопрос на обсуждение всего двора.

Чжао Цзи, собиравшийся было наотрез отказаться и под шумок выгородить Банду Денежного Листа, погрузился в раздумья.

План Хань Чжуняня был глубже, чем казалось: он стремился не просто поведать двору о невидимом мире боевых искусств, но и заставить каждого чиновника насторожиться, заставить их сообща искать способы обуздать цзянху. Главной его целью было предотвратить любое повторение того ужаса, что случился в Управе Кайфэна.

Но если начинать облаву на цзянху, то прямо сейчас под ударом оказывались лишь двое: Банда Денежного Листа и школа горы Белого Верблюда. Последние ютились у черта на куличках в Западных землях, гранича по большей части с Западным Ся и лишь краем соприкасаясь с границами Сун. Кому какое дело до чужаков на окраине обитаемого мира? А значит, под удар неминуемо попадали местные.

Хань Чжунянь вознамерился во что бы то ни стало уничтожить Банду Денежного Листа. Его решимость была неколебима.

Но истинная причина молчания Чжао Цзи крылась в другом. Слово «вельможи» заставило его шестеренки завестись быстрее, и в голове молниеносно созрел План «В».

Эта задумка была гнусной, бесстыдной и отдавала откровенным предательством. Однако, если отбросить в сторону угрызения совести, План «В» казался безупречным. При грамотном исполнении он мог разом избавить его от множества забот.

"Что-то мне расхотелось оставаться благородным человеком"

Сидя на троне, Чжао Цзи незаметно сглотнул.

Борьба с собственной совестью длилась лишь мгновение. Искушение растоптать моральные принципы ради огромной выгоды оказалось слишком велико, и все сомнения развеялись без следа. Он произнес:

— Быть по сему.

Присутствовавший в зале Ли Сюньхуань, единственный человек из цзянху, спорить не стал.

Он одинаково хорошо знал и вольницу бойцов, и законы двора. Ли Сюньхуань прекрасно понимал, что императорские советники точат ножи на Банду Денежного Листа, но те сами совершили глупость, преступив закон, а значит, и кара их была вполне заслуженной.

Как только стороны пришли к согласию перенести обсуждение на великий утренний прием, вопрос с вольными школами временно закрыли. Окончательное решение отложили до завершения общего собрания.

Чжао Цзи огласил решение:

— На этом следствие завершить. Хэ Цивэй и Чжао Цянь, прямой вины на вас нет, однако упущение налицо. В назидание прочим лишить обоих жалованья на полгода.

Взыскание вышло мягким, чисто символическим. Облегченно вздохнув, оба чиновника поспешно пали ниц, благодаря за милость.

Разобравшись с ними, император повернулся к Господину Ханю:

— Господин Хань, потрудитесь составить подробный доклад о сегодняшних событиях, дабы представить его на обсуждение чиновников на великом приеме.

Хань Чжунянь опустил на колени, принимая повеление.

Под конец Чжао Цзи распорядился:

— Повелеваем принять Госпожу Цуй-Дун на службу в Палату этикета и церемоний, определив на должность хранительницы книг четвертого ранга.

Даровав женщине чин, он негромко произнес:

— Мы непременно докопаемся до истины. Однако, щадя твои чувства и помня о том, что за пределами двора тебя могут подстерегать сообщники убийц, Мы решили обезопасить тебя. Пока все не прояснится, ты будешь служить в Ведомстве дворцовых дам. Когда же буря уляжется, сама решишь, остаться здесь или вернуться к мирской жизни.

Госпожа Цуй-Дун со слезами благодарности пала ниц.

Чжао Цзи указал на расторопного евнуха Сяо Тунцзи, всегда бывшего под рукой:

— Проводи госпожу Дун и передай Ведомству дворцовых дам Мое личное повеление.

В сунские времена удел женщины был незавиден, и Чжао Цзи справедливо опасался, что нежданная гостья, получившая столь высокое назначение в обход правил, столкнется с завистью и кознями будущих товарок. Он не сумел уберечь самого Цуй Миня, так неужели позволит сжить со свету еще и его вдову? Это расписаться в собственном бессилии.

Пусть Сяо Тунцзи доходчиво объяснит тамошним дамам, как себя вести.

Евнух принял приказ и увел госпожу Цуй-Дун.

Чжао Цзи окинул взглядом оставшихся в зале:

— Ступайте и вы.

На холодном полу просторного зала все еще валялось распластанное тело лазутчика. Присутствующие были людьми проницательными и сразу смекнули: император намерен допросить пленника лично, без свидетелей. И хотя подробности дела Управы Кайфэна уже прояснились, причин оставаться у них не было. Сгорая от любопытства, вельможи откланялись и вышли.

Заметив, что Ли Сюньхуань собирается уйти вместе со всеми, Чжао Цзи проявил поразительную прыть — протянул руку и бесцеремонно ухватился за свисающую ленту его пояса. Рванув растерявшегося гостя назад, он тут же разжал пальцы и принял задумчивый вид, словно и пальцем никого не трогал.

Ли Сюньхуань, все еще облаченный в роскошные свадебные одежды, почувствовал, как от рывка качнулся пышный алый шелковый цветок, украшавший его грудь. Смешавшись, он обернулся и застал императора за чрезвычайно важным делом — тот с неподдельным интересом разглядывал трещины на каменных плитах пола.

Ли Сюньхуань озадаченно замер.

Когда за ушедшими захлопнулась тяжелая дверь, Чжао Цзи наконец поднял голову. Взгляд его, устремленный на распростертое тело, мгновенно стал холодным и пронзительным.

Хань Чжунянь наверняка первым делом побежит с докладом к вдовствующей императрице Сян. Нужно успеть выбить из пленника правду до того, как его прервут.

— Приведите его в чувство, — холодно велел Чжао Цзи.

Двое гвардейцев из личной охраны тут же шагнули вперед, грубо вздернули пленника за воротник и принялись безжалостно хлестать по щекам.

От сокрушительных ударов щеки пленника густо налились кровью, он наконец нехотя приоткрыл глаза, сиюсь изображать на лице растерянность и полубморочное состояние.

Однако Чжао Цзи ни на секунду не поверил в эту неумелую игру.

Еще когда стражники уводили заговорщиков и один из воинов потянулся к этому хитрецу, император велел оставить его в зале. Именно тогда Чжао Цзи расслышал, как изменилось, став более частым и тяжелым, дыхание лежащего на полу человека. Тот очнулся уже давно, но по какой-то причине предпочитал прикидываться мертвым.

Чжао Цзи не собирался потакать уловкам и сразу перешел к делу:

— Кто ты такой? Отвечай!

Тот с самым благонамеренным видом принялся усердно биться лбом о каменный пол:

— Пощадите, Ваше Величество! Ничтожный раб — всего лишь безвестный служка из Банды Денежного Листа.

Чжао Цзи мысленно закатил глаза, не поверив ни единому слову, но все же сухо поинтересовался:

— И где твой опознавательный знак?

— Ваше Величество, раба призвали столь спешно, что у него просто не было времени забрать его из дома, — юлил лазутчик.

Император с силой хлопнул ладонью по подлокотнику трона, да так, что звук выстрелом разнесся по залу:

— Мы, может, и далеки от законов цзянху, но Нас за дурака держать не смей! Будь ты рядовым бойцом Банды Денежного Листа, откуда бы у тебя взялась дерзость напасть на Сына Неба?!

Этот человек явно не принадлежал к местным разбойникам.

И дело было не только в отсутствии бляхи. Получив удар клинком, он единственный до последнего пытался огрызаться и оказывать бешеное сопротивление.

Члены Банды Денежного Листа были здешними обывателями. А всякий сунский подданный с малых лет впитывал священный трепет перед престолом — у них бы рука не поднялась взять в заложники самого государя. К тому же у всех городских бандитов в Кайфэне оставались семьи. Пойди они на такое безумие — и весь их род сровняли бы с землей. Какой безумец обречет близких на лютую смерть ради призрачного шанса спастись бегством?

<http://bllate.org/book/18987/1924961>